
НЕЙТОН ЛИ
16+
ВТОРОЙ ШАНС НА ЛЮБОВЬ
ПРАВО НА СЧАСТЬЕ
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Нейтон Ли

Право на счастье

«Литнет»
2026

Ли Н.

Право на счастье / Н. Ли — «Литнет», 2026

После измены мужа Анна остаётся не только с разбитым браком, но и с опасным спором за проектный архив архитектурного бюро. Ей предстоит защищать своё имя, не нарушая чужих прав, и искать честный путь к сохранению старинного петербургского особняка. Независимый аудитор Марк Лебедев не обещает ей победы и не закрывает глаза на ошибки. Но рядом с ним Анна постепенно учится доверять — и выбирать любовь, в которой не нужно отказываться от себя.

© Ли Н., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Звонок в разгар сдачи проекта 5
Глава 2. Ключи на стеклянном столе 11
Глава 3. Проект без чужого имени 18
Конец ознакомительного фрагмента. 19

Глава 1. Звонок в разгар сдачи проекта

В два часа ночи старый особняк на экране выглядел здоровее, чем в действительности. Программа рисовала стены ровными, перекрытия — надёжными, а каждую точку сопряжения деревянной балки с кирпичной кладкой — послушной. Ей было всё равно, что два дня назад я стояла под северным флигелем по щиколотку в холодной воде и слышала, как из-под штукатурки осыпается песок.

Я увеличила узел на мониторе. Между проектной отметкой и измерением Миши оставалось восемь сантиметров. Казалось бы, пустяк, который на презентации никто не заметит. Восемь сантиметров для старого здания могли означать, что опора окажется там, где за сто двадцать лет не сохранилось ничего, кроме пыли.

В офисе давно погасили основной свет. У моего стола горела настольная лампа с треснувшим зелёным абажуром. Из соседней комнаты тянуло остывшим кофе и влажной одеждой: Ольга Беляева ушла час назад, оставив на стуле дождевик, который я обещала ей завтра вернуть. На дверном стекле отражалось лицо женщины с растрёпанными волосами, сведёнными в узел карандашом. Мне исполнилось тридцать восемь, но сегодня я выглядела старше матери на старой семейной фотографии.

Я сохранила новый вариант чертежа под отдельной версией, чтобы прежний не исчез, и набрала Ольге сообщение: «Узел СФ-04 не выпускаем до уточнения отметки. У нас расхождение по высоте опирания. Утром покажу».

Ответ пришёл почти сразу: «Ты опять там? Анна, положи линейку и иди спать. В восемь заеду. Не отдавай Вадиму неподписанный пакет».

Я улыбнулась, хотя губы болели от усталости. Ольга была единственным человеком, который мог написать мне «иди спать» в приказном тоне и не вызвать желания спорить. Мы познакомились ещё до «Арки», на обследовании бывшей фабрики, где оба решили, что опасную лестницу нельзя считать исправной только потому, что она стояла сто лет.

«Арка» появилась двенадцать лет назад. Сначала это был маленький кабинет с одним компьютером, чертёжным столом и договором на ремонт фасада в историческом квартале. Заказчик задерживал деньги, мы с Ольгой по очереди ездили за документами, а я рисовала детали до рассвета. Вадим тогда приносил нам обеды в пластиковых коробках и говорил, что талантливые люди должны заниматься талантливыми вещами, а счета и контракты он возьмёт на себя.

Через два года я вышла за него замуж.

Сейчас у нас было тринадцать сотрудников, два крупных проекта и доли в обществе — мои шестьдесят процентов, его сорок. Вадим стал управляющим директором и любил поправлять меня на деловых ужинах: «Анна у нас творческий человек. С цифрами лучше ко мне». Я всякий раз говорила себе, что это просто разделение обязанностей. Архитектор должен доверять тому, кто ведёт финансы. Мужу тем более.

Под потолком дрогнул вентиляционный короб, оттуда посыпалась тонкая пыль. Я подняла глаза и впервые за вечер заметила, как давно не меняли фильтры. Обычно за офисом следила Ирина, но последние три недели она ходила настороженная и, когда Вадим появлялся в коридоре, торопливо закрывала почту. Я принимала это за страх перед его раздражением: у нас был сложный квартал.

На экране мигнуло уведомление от инвесторской группы, которая рассматривала реставрацию особняка Тихвинцевых. Тема: «Дополнение к предварительному техническому пакету». В письме просили до девяти утра представить схему обследования северного флигеля, список зон с ограниченным доступом и все расхождения между архивными планами и текущими

обмерами. Последним пунктом стояло: «Недостоверно заполненные разделы будут возвращены без рассмотрения». Подпись — Марк Лебедев, независимый технический аудитор.

О нём мне уже рассказывали. Беспощадный, въедливый, человек, способный сорвать красивую презентацию одной строкой. Я открыла список расхождений и ощутила не раздражение, а почти облегчение. По крайней мере, кто-то ещё считал, что неизвестное надо называть неизвестным.

Мой телефон завибрировал на столе. Вадим.

— Ты где? — спросил он вместо приветствия.

— В бюро. Доделываю техническое приложение.

— Уже третий час. Завтра отправка, ты помнишь?

— Помню. У нас по северному флигелю...

— Анна, — перебил он таким тоном, каким успокаивают ребёнка перед уколом. — Подробности с утра. Мне нужен полный пакет сегодня. Чтобы утром люди получили его в почте, а не слушали объяснения.

— Если поставить опору по прежней отметке, расчёт будет неверным.

— Ты понимаешь, сколько стоит наша задержка?

— Да. И понимаю, сколько будет стоить обрушение.

На другом конце линии некоторое время слышался приглушённый смех. Женский. Затем щёлкнула дверь, и Вадим заговорил тише:

— Не начинай с драм. Приезжай домой. На принтере оставил документы, которые надо подписать до утра.

— Какие документы?

— Корпоративные. Вопрос пяти минут.

Он отключился, не пожелав спокойной ночи.

Я смотрела на погасший экран телефона. Странная вещь: в течение многих лет я знала точный звук шагов мужа на лестнице, могла отличить его настроение по тому, как он снимал пальто, и всё-таки не смогла определить, когда он перестал отвечать на мои вопросы. Пожалуй, не вчера. Скорее это происходило медленно, как трещина в штукатурке, которую годами замазывают краской.

В общем принтере лежали три листа с логотипом незнакомой фирмы. На первом значилось: «Проект соглашения о передаче имущественного комплекса и прав использования проектной документации». Я сначала подумала, что это ещё одно предложение подрядчика. Но во втором абзаце встретила слова «ООО „Арка“», а ниже — «ООО „Горизонт Девелопмент“». Под последним названием стоял адрес, совпадавший с адресом офиса приятеля Вадима, которого он называл своим старым партнёром.

Я вернулась к столу, включила потолочный свет и прочитала всё от начала до конца.

«Арка» намеревалась передать «Горизонту» право использовать завершённые и разрабатываемые материалы по нескольким объектам, вместе с клиентскими контактами, частью оборудования и обязательствами по будущему сопровождению. В приложении перечислялись папки нашего архива, включая обмеры особняка Тихвинцевых, фотографии повреждённых конструкций и мои рабочие схемы. Вознаграждение было подозрительно скромным. Условия оплаты — растянутыми на два года. Ответственность за ошибки прошлых проектов оставалась в «Арке».

Я провела пальцем по списку чертежей. Наименование файла «СФ-04» стояло в строке, которую я редактировала десять минут назад. Рядом была ссылка на папку, доступ к которой имели только ведущие специалисты.

Первой моей мыслью было не обман, а ошибка. Возможно, Вадим собрал документы для страхового аудита. Возможно, передача только техническая, а формулировку юристы ещё исправят. Я нашла внизу примечание «для согласования участниками», затем перевернула тре-

тий лист. Там был черновик протокола собрания участников общества. Напротив моего имени оставили место для подписи. Напротив имени Вадима уже стоял росчерк.

Ничего не было подписано мной. Сделка могла оставаться лишь проектом. Но я вдруг увидела, с какой точностью кто-то подготовил всё необходимое, чтобы от моего решения осталось одно движение руки.

Я открыла общий корпоративный календарь. На завтра в семь тридцать назначили «финализацию сделки». Среди приглашённых были Вадим, бухгалтер и человек с адресом «Горизонта». Меня в списке не было.

Внутри похолодело. Я создала текстовую заметку с временем, датой, названием файлов и тем, где обнаружила бумаги; сфотографировала лежащие на общем принтере листы для последующего разговора с юристом, но не стала копировать чужие переписки или скачивать закрытые документы. Законность даже собственной защиты не хотелось решать наугад.

На рабочей почте тем временем открылся ответ помощницы инвестора. Она спрашивала, почему в сопроводительном письме «Арки» указано, что северный флигель обследован полностью, хотя в моём сегодняшнем замечании значились закрытые участки. Я не давала разрешения писать такую фразу.

— Господи, Вадим, — сказала я пустому офису.

Мой муж в одном письме обещал заказчику невозможное, а в другом готовился передать фирме своего приятеля то, что мы создавали двенадцать лет. И всё это — пока я пыталась понять, выдержит ли старый кирпич нагрузку временной балки.

Я позвонила Ирине. Ответила она сонно, со второго раза.

— Простите, что так поздно. Вы сегодня собирали письмо инвесторам?

Молчание длилось дольше, чем требуется человеку, который только проснулся.

— Да. Вадим Александрович продиктовал.

— Откуда там появилась фраза про полное обследование?

— Он сказал, что вы всё утвердили.

— Я утвердила только список зон, куда нельзя входить до установки страховочных опор. Это разные вещи.

Ирина тихо выдохнула.

— Я поняла. Исправить?

— Утром оформим уточнение официально. Ничего не удаляйте. Сохраните отправленную версию и время.

— Анна Сергеевна... — Она запнулась. — Я не должна вам этого говорить, но сегодня пришёл человек из другой фирмы. Выносили из переговорной коробки с копиями договоров. Вадим сказал, что это архив для переноса.

Я села. Лампа подсветила на стене кривую тень моей ладони.

— Коробки были опечатаны?

— Нет. Я спросила, нужно ли сделать опись, он рассердился. Я больше не вмешивалась.

— Вы правильно сделали, что не стали спорить одна. Завтра спокойно составим список того, что помните. Если не захотите — не заставлю.

Её благодарность прозвучала так отчаянно, что мне стало стыдно. Я почти не замечала, как сотрудники начали бояться человека, с которым я делила дом.

Когда мы завершили разговор, пришло сообщение от Вадима: «Забыл сказать. Не трогай документы из принтера. Утром объясню. Люблю».

Слово «люблю» на экране выглядело неуместно, как обещание безопасности на двери аварийного выхода, которая заперта изнутри.

Я поднялась, чтобы забрать пальто, и увидела на столе мужа фотографию в серебряной рамке. Мы стояли на строительных лесах перед фасадом первого большого объекта, оба в кас-

ках. Вадим держал меня за плечи и смеялся. Тогда мне казалось, что мы двое смотрим в одну сторону.

Завибрировал его второй телефон. Он лежал у зарядки за монитором: Вадим часто забывал его здесь, потому что пользовался им только для деловых встреч. Экран загорелся. Я машинально посмотрела, думая, что это срочное сообщение от подрядчика. На блокировке появилась часть уведомления: «Лера: Ты обещал, что завтра она подпишет. Не хочу снова прятаться». Ниже — фотография женской руки на его плече, сделанная, судя по отражению стекла, в машине, которую мы покупали вместе.

Я не взяла телефон в руки. В нём не было моего пароля и не было моего права. Уведомление исчезло само.

Я попыталась вдохнуть, но воздух будто застрял под рёбрами. Вот как всё устроено: сперва кто-то медленно выносит чертежи из жизни, а потом выясняется, что дом, который ты считала своим, тоже давно занят чужими планами.

Мне захотелось бросить ноутбук в стену, порвать бумаги, позвонить Лере и задать вопрос, на который всё равно нельзя получить удовлетворительного ответа. Я стояла у окна, смотрела на мокрый двор и ждала, пока желание сделать что-то необратимое пройдёт. В старых домах я умела останавливать людей перед опасным проломом. Теперь нужно было сделать то же самое с собой.

Я открыла ноутбук и составила письмо Ольге и руководителю обследования. «Коллеги, отмечаю технически неподтверждённые позиции, которые нельзя включать в заверенный пакет. Узел СФ-04 и восточный участок северного флигеля требуют дополнительного осмотра. Прошу не заменять статус “не обследовано” на “исправно”. Готова представить временную схему и перечень измерений утром в восемь». В копию добавила служебный адрес команды, сохранила отправку. Я не хотела, чтобы завтра кто-то утверждал, будто никто не предупреждал.

В дверь постучали три коротких раза. Вадим умел входить в собственный офис без стука; я узнала его по паузе, будто он заранее репетировал спокойствие.

Он появился в мокром тёмном пальто, пахнущий дорогим одеколоном и вечерним рестораном. На запястье блестели часы, подаренные мной на нашу десятую годовщину. Он посмотрел на принтер и сразу понял.

— Анна, я просил ничего не трогать.

— Я прочитала бумаги, которые ты оставил на общем устройстве. Объясни, почему архив бюро собираются передать другой компании.

Он снял пальто и аккуратно повесил на плечики. Эта бытовая последовательность почему-то разозлила меня сильнее, чем крик.

— Сначала давай поговорим как взрослые люди.

— Я и говорю. Что такое «Горизонт Девелопмент»?

— Партнёрская структура. На неё удобнее посадить новые контракты. «Арка» перегружена рисками, у нас слишком большая постоянная команда.

— Тогда почему в договоре оставлены наши обязательства, а права и клиентские файлы уходят туда? И почему у меня не было места на встрече участников?

Вадим тяжело опустился в кресло.

— Потому что ты вечно сидишь над каждой трещиной, как будто отвечаешь за весь Петербург. Пока ты спасала свой северный флигель, я спасал фирму.

— Проект договора не спасает фирму, если она остаётся с долгами, а все работающие контракты переводятся другому лицу.

— Твои слова звучат как из методички юриста, которого ты ещё не наняла.

— Зато я умею читать приложение к договору.

Он усмехнулся. Эта улыбка когда-то казалась мне способностью не паниковать в любой беде. Теперь я увидела другое: презрение человека, уверенного, что никто не осмелится сказать ему «нет».

— Ты автор концепций, Аня. Великолепных. Но бизнес — это не чертежи. Клиенты платят благодаря моим переговорам, а не потому, что ты любуешься карнизами. Подпиши протокол. И мы спокойно продолжим работать. Тебе даже не придётся разбираться в новой структуре.

Я почувствовала, как внутри поднимается тошнота.

— То есть я должна отдать контроль над работой, которую мы ведём, и быть благодарной, что мне разрешили рисовать?

— Ты всё искажаешь. Я оставляю тебе именно то, что ты любишь.

— А себе берёшь то, что приносит деньги.

На секунду его лицо стало чужим.

— Не забывай, кто десять лет держал этот офис на плаву.

— Не забываю. Мы оба работали. Но ты не имеешь права принимать такое решение за нас обоих.

Он потянулся к документам.

— Давай сейчас подпишем, а утром...

— Нет.

Моё слово прозвучало тихо. Я даже удивилась, что оно получилось таким простым.

Вадим остановился. Затем медленно положил ручку на стол, будто демонстрировал мне последствия плохого поведения.

— Тогда утром у тебя не будет доступа к общему проектному хранилищу. Я не могу позволить саботировать контракт из-за эмоций.

— Я уже направила коллегам техническое предупреждение. И никакого доступа из-под чужих учётных записей брать не стану. Но смена пароля не сделает ненадёжную стену надёжной.

Он выпрямился.

— Кого ты решила втянуть?

— Никого. Я говорю о безопасности и документах. О нашем браке мы поговорим отдельно.

Вадим отвёл глаза. Впервые за вечер ему стало неуютно. Не от моего отказа подписывать — от того, что я перестала делать вид, будто не вижу очевидного.

— Ты устала. Поедем домой. Утром пожалеешь обо всём.

— Где ты был сегодня вечером?

Он неподвижно смотрел на меня. Вода капала с манжета на пол.

— На встрече.

— С Лерой?

Молчание было коротким. Но в нём успело исчезнуть всё, что оставалось от моей надежды услышать объяснение.

— Она помогает мне с новым направлением, — сказал Вадим.

— И с личной жизнью?

Он резко повернулся к окну.

— Я не собираюсь отчитываться перед тобой по каждому шагу. Мы давно живём как соседи. Ты выбираешь работу. Я тоже имею право на что-то своё.

— Ты имеешь право уйти из брака. Но не имеешь права заставить меня подписать бумаги, пока скрываешь от меня факты. И не называй мой труд причиной своего выбора.

Я думала, что, произнеся это, расплачусь. Вместо слёз пришла неестественная ясность. Я видела на полу следы его мокрой обуви, на столе незакрытую таблицу, горящую лампу, всё то, что утром останется на своих местах. Только моя жизнь уже не вернётся в прежнюю форму.

Вадим пошёл к двери, остановился и сказал почти ласково:

— У тебя нет ни людей для управления, ни связей для нового контракта. Когда успокоишься, позвони. Я не хочу делать тебе больно.

Дверь захлопнулась. Я услышала, как он быстро спускается по лестнице. Звук шагов, знакомый десять лет, не вызвал привычного желания догнать его.

Телефон показывал три часа семнадцать. До отправки пакета оставалось меньше шести часов. Я дописала техническую записку, приложила к ней фрагмент обмерной ведомости с честно помеченным расхождением и запланировала очное согласование. Затем открыла чистый лист бумаги и написала три вопроса: что именно принадлежит обществу; кто и на каком основании получил доступ к архиву; как обеспечить безопасность людей на объекте.

Под вопросами оставалось много места. Не было волшебного ответа, кнопки отмены, спасительного звонка. У меня была работа, которую надо сделать правильно, и жизнь, которую придётся строить заново.

Когда я выключала свет, пришло уведомление: «Ваш доступ к папке “Тихвинцевы / рабочий архив” изменён администратором».

Я стояла в тёмном коридоре, с ключами от офиса в руке, и смотрела на экран. Вадим не ждал до утра.

Из окна лестничной клетки было видно, как дождь вымывает пыль из узких швов между кирпичами старого здания. Так начинается разрушение, подумала я: не громом, не красивой катастрофой, а маленькой водой, которая долго идёт туда, где её не замечают.

Но иногда трещину находят вовремя.

Глава 2. Ключи на стеклянном столе

Квартира встретила меня запахом вчерашнего хлеба и работающей посудомоечной машины. Обычно этот запах означал утро выходного дня: Вадим вставал раньше, оставлял на столе круассаны, а я ещё полчаса притворялась спящей, слушая, как он спорит по телефону с поставщиками. Сегодня в прихожей горел холодный свет, на подоконнике стоял забытый бокал, и за закрытой дверью спальни слышалось ровное дыхание.

Я остановилась перед зеркалом. На щеке отпечаталась полоска от ремня сумки. Пальцы ещё держали напряжение, с которым я сжимала рукоятку старого офисного портфеля. За плечами была бессонная ночь, впереди — пятница, когда наша фирма должна была показать инвесторам предварительный технический пакет по особняку Тихвинцевых. Я подумала, что если сяду на диван, то не встану несколько часов. Поэтому пошла на кухню и поставила чайник.

На стеклянном столе лежали ключи. Два от квартиры, один от гаража, брелок с медной фигуркой льва — подарок с нашей первой поездки в Прагу. Я положила рядом свои: точно такой же набор, только лев за двенадцать лет лишился хвоста. Два маленьких знака общего быта, который мы привыкли считать неразрушимым.

Над столом висела фотография, где мы с Вадимом держали на руках смешного лохматого щенка. Собаки у нас давно не было. Старый Боря прожил с нами девять лет, умер в марте, и с тех пор фотографию не решался снять никто. Я вспомнила, как Вадим вёз его ночью в ветеринарную клинику и держал на коленях, хотя сам боялся крови. Человек, который когда-то плакал из-за больной собаки, ночью сказал мне, что я не справлюсь с собственным делом.

Я не знала, что делать с двумя такими воспоминаниями. Одно не уничтожало другое.

Телефон завибрировал. Ольга прислала фотографию блокнота с расчётами и сообщение: «Подняла обмерную ведомость. Ты права: отметку нельзя выпускать. Еду к восьми. Ты хоть домой дошла?»

«Дошла. Я могу не попасть в архив. Вадим поменял права доступа. Пожалуйста, не пересылай мне документы с чужого аккаунта и ничего не удаляй. Просто сообщи руководителю обследования, что опасный узел остаётся открытым».

Ответ возник сразу: «Так и сделаю. И ещё: не вздумай извиняться передо мной за его решения».

Я набрала «спасибо» и не отправила. Когда человек говорит тебе не извиняться, не хочется превращать благодарность в очередное оправдание. Я всё-таки написала: «В девять буду на связи. Если не смогу участвовать как представитель бюро, подготовлю отдельное пояснение от своего имени».

В спальне щёлкнул замок. Вадим вышел в домашней футболке, босой, помятый, с лицом человека, которому не дали выспаться. Он увидел два набора ключей и поднял брови.

— Демонстрация? — спросил он.

— Пока нет. Я решаю, что взять с собой.

— Ты правда собираешься уходить из дома из-за бумаг, которые даже не подписаны?

— Не только из-за бумаг.

Он открыл холодильник и долго смотрел внутрь, будто там находился ответ, который я должна была подсказать. Затем достал бутылку воды и сказал:

— Про Леру я вчера объяснил.

— Ты сказал, что она помогает тебе с новым направлением. А потом — что мы давно живём как соседи. Это не объяснение, Вадим. Но мне больше не нужно объяснение, чтобы понять, что между нами произошло.

— Ты будешь превращать один вечер в развод?

— Я не знаю, сколько было вечеров. И сейчас не собираюсь их считать.

Он поставил бутылку с такой силой, что вода выплеснулась на край стола.

— Все десять лет одним движением перечеркнёшь?

Я посмотрела на ключи. Хотелось сказать, что одиннадцатью годами раньше я любила его так сильно, что боялась дышать рядом. Хотелось спросить, когда он перестал считать меня равной. Но все эти вопросы направляли разговор туда, где он умел побеждать: в область воспоминаний, вины, наших общих праздников и обид.

— Я не стираю прошлое. Я не согласна продолжать настоящее в таком виде. И корпоративную сделку без проверки не подпишу.

— Опять одно и то же. Тебе юрист подсказал?

— Пока только здравый смысл.

Вадим сел напротив. Его плечи на секунду опустились, и я увидела человека, который постарел за эту ночь почти так же, как я.

— Знаешь, чего ты не понимаешь? — спросил он неожиданно тихо. — Когда ты десять дней сидишь на объекте, я не могу прийти к тебе и сказать: «У нас кассовый разрыв, бухгалтер ждёт мою подпись под овердрафтом, подрядчик хочет аванс». Ты начнёшь про то, что нельзя экономить на материале. Ты права в своих кирпичах, Аня, но мне приходится решать, где взять деньги.

— Тогда надо было показать мне цифры.

— Я показывал. Ты не смотрела.

Я вспомнила, как в июле отложила совещание по бюджету на неделю из-за срочного обследования. В сентябре попросила Вадима подготовить таблицу обязательств, но, получив её, проверила только строки по проектным работам. Это была моя ошибка. Она не делала договор о выводе активов разумным; но мне пришлось признать, что доверие не заменяет управления.

— Ты прав в одном. Я слишком долго считала, что можно не разбираться с финансовой стороной. Это была моя часть ответственности. Но ты предлагаешь исправить её тем, что я подпишу передачу архива компании твоего знакомого?

— «Горизонт» не посторонний. Там условия лучше.

— Тогда почему в черновике вся выручка уходит туда, а обязательства остаются здесь? Почему стоимость использования наших материалов меньше годовой зарплаты одного ведущего специалиста? И кто согласовал включение ещё не проверенных чертежей Тихвинцевых?

Вадим посмотрел на меня долгим, оценивающим взглядом.

— Ты не поймёшь за пять минут.

— Значит, дадим себе больше пяти минут. С приглашённым бухгалтером и юристом. Без подписей до проверки.

Он резко встал.

— У меня через сорок минут встреча.

— Ты успеешь. Я задам последний вопрос: ты уже отправил кому-нибудь документ с моей подписью?

Вадим отвёл глаза к окну.

— У нас есть сканы старых согласований. Юристы могли подготовить шаблоны.

— Я не спрашиваю про шаблоны.

— Не знаю, что именно они отправляли.

Ложь была не громкой, не театральной. Он произнёс её почти буднично. Мне стало ясно, что дальше разговор потребует не более сильных слов, а доказательств.

Я взяла небольшой чемодан из шкафа. Вадим не пошёл следом, и я была благодарна ему хотя бы за это. Вещи, которые считала необходимыми, неожиданно занимали мало места: бельё, сменная обувь, две рубашки, свитер, зарядка для ноутбука, косметичка. Я оставила на полке подаренную им шкатулку и сняла только кольцо, лежавшее у раковины после ночного

умывания. Не потому, что решила больше его никогда не надевать, а потому, что носить сейчас означало бы притворяться.

В комоде лежала папка с нашими документами: свидетельство о браке, старые договоры, бумаги по квартире. Я не стала уносить всё подряд. Сфотографировала доступные мне личные документы и выписала, где хранятся оригиналы, чтобы уточнить у юриста порядок получения копий. Рядом лежала открытка, которую Вадим написал в первый год брака: «Там, где ты, всегда хочется строить». Я прочитала её дважды и вернула на место.

У двери он остановил меня.

— Куда ты пойдёшь?

— Сниму комнату на несколько дней.

— Не устраивай спектакль. У тебя есть дом.

— Пока я не могу спать здесь рядом с тобой.

Он хотел что-то сказать, но промолчал. Я оставила на стеклянном столе ключ от гаража и запасной ключ от квартиры. Основной взяла с собой: до решения вопроса о вещах у меня должна была оставаться возможность спокойно вернуться за своими документами. Мы смотрели на стол, как на схему незнакомого дома, где ещё не обозначены несущие стены.

— Не забирай материалы «Арки», — сказал он у самой двери.

Я повернулась.

— Не собираюсь. Но документы о моём участии и правах прошу сохранить. Мы будем разбираться по правилам.

Лифт спускался мучительно медленно. Я смотрела на чемодан и думала, что раньше любая поездка начиналась с вопроса, не забыла ли я зарядку. Сегодня я забыла гораздо больше: нормальный сон, привычный завтрак, способность замечать красоту осеннего города. Их нельзя было сложить в чемодан.

На улице дождь закончился. Трамвай шёл по мокрым рельсам, окна домов отражали размытый рассвет. Я поймала такси до кофейни неподалёку от офиса, где по пятницам собирались инженеры со строительных объектов. Мне хотелось находиться среди людей, которые разговаривают о бетоне и погоде, а не о предательстве.

Анастасию Денисову, юриста по корпоративным спорам, посоветовала Ольга ещё зимой, когда у нас возникли разногласия по одному субподряду. Я сохранила контакт, но не звонила. В восемь пятнадцать отправила ей короткое сообщение: «Нужна срочная консультация по проекту передачи активов общества и возможному использованию моей подписи без моего участия. Я участник с 60%, управляющий директор — второй участник. Подписанных мной документов нет». Через десять минут она предложила разговор в одиннадцать и попросила составить хронологию, не пересылая ей через мессенджер весь корпоративный архив.

До одиннадцати оставалось много времени. Я заказала чай и открыла записную книжку. На первой странице написала: «Пятница, 02:20 — увидела проект соглашения; 02:45 — сверила перечень приложений; 03:05 — разговор; 03:17 — уведомление о смене доступа». Я исправляла минуты по журналу телефона и по времени собственных сообщений, не пытаясь выглядеть точнее, чем позволяла память. Юристу нужны были факты, а не впечатления.

Позвонила Ольга.

— Ты не поверишь, что происходит, — сказала она вместо приветствия. — Миша пришёл в восемь. Вадим велел снять его с обмеров и готовить презентацию. Мне принесли пакет на подпись, там стоит «обследование завершено». Я отказалась.

— Спасибо. Ты не должна подписывать то, что не проверяла.

— Да не за что. Но Ирина плачет. Ей сказали, что она потеряет место, если будет общаться с тобой.

Я невольно сильнее сжала чашку.

— Передай ей, что я ничего от неё не требую. И, пожалуйста, не говорите между собой по рабочей почте обо мне и Вадиме. Пусть все сохранят свои обычные обязанности, пока не прояснится ситуация.

— Ты думаешь, они смогут?

— Не знаю. Но я точно не хочу, чтобы люди выбирали между зарплатой и дружбой.

Ольга помолчала.

— Я пойду к руководителю обследования. У меня есть собственные подписанные замеры. Не могу позволить им отправить фикцию.

— Сделай так. Я буду на связи как автор замечания, но не используй мою учётную запись, если права изменили.

После звонка я долго смотрела в окно. Возле входа в кофейню грузчик не мог протащить тележку через высокий порог. Двое прохожих попытались приподнять её за металлические ручки, но ящик стал крениться. Грузчик опустил ношу, посмотрел на ступень и принёс из машины короткую доску. По наклонной поверхности всё прошло за секунду.

Столько лет я любила архитектуру именно за это: иногда проблема решается не большей силой, а правильно найденным переходом. С людьми всё сложнее. Их нельзя передвинуть на схеме, не спросив согласия.

Анастасия появилась в видеозвонке без привычной адвокатской театральности: короткая стрижка, очки, белая стена за спиной. Она выслушала мою хронологию, задала несколько вопросов о долях и директорских полномочиях, а потом попросила остановиться на словах «сделку уже совершили».

— Вы этого пока не знаете, — сказала она. — У вас есть проект документов, информация о возможном переносе архива и прекращение доступа. Это серьёзно, но утверждать, что имущество уже передано, нельзя. Нужны сведения о фактических действиях и подписанных документах.

— Что я могу сделать сегодня?

— Зафиксировать своё возражение и запросить предусмотренным порядком документы общества. Мы подготовим текст, который не обвиняет без доказательств, но ясно обозначает, что вы не давали согласия. Отдельно проверим, какие полномочия у директора и какие сделки требуют корпоративного одобрения. Не пытайтесь самостоятельно восстанавливать пароль или просить кого-то скачать скрытые файлы.

— А если клиентам уже отправили проект с ложной информацией?

— Техническая безопасность — отдельная обязанность. Вы правильно направили предупреждение, но дальнейшие уведомления надо согласовать с заказчиком и ответственными специалистами, чтобы никто не мог представить это как вмешательство в чужой договор. Мне понадобится ваше официальное положение в проекте.

Я рассказала об особняке Тихвинцевых, восьми сантиметрах расхождения и северном флигеле. Анастасия впервые за разговор перестала делать пометки.

— Это вы сейчас говорите как архитектор, а не как обманутая жена, — сказала она. — Постарайтесь сохранить это различие. Оно вам поможет.

— Мне кажется, эти две женщины сегодня не могут разойтись по разным комнатам.

— И не обязаны. Но документы должны выдерживать проверку независимо от того, насколько вам больно.

Мы договорились, что она пришлёт список необходимых сведений и проект официального запроса. Никаких мгновенных запретов, чудесных арестов и обещаний выиграть суд она не давала. Мне от этого стало спокойнее. За ночь я слишком много раз слышала, как уверенные люди объявляют сложные вещи простыми.

К полудню я нашла небольшую квартиру рядом с каналом: третий этаж без лифта, высокая узкая лестница, окна на двор, где росла липа. Хозяйка, пожилая женщина по имени

Надежда Николаевна, встретила меня в шерстяном жилете и предупредила, что батарея на кухне греет хуже остальных.

— Зато крыша новая, — сказала она, уловив мой взгляд на потолок. — Меняли в прошлом году. Вода больше не течёт.

Я неожиданно рассмеялась.

— Хорошая характеристика жилья. Я по работе часто вижу то, что остаётся после плохой крыши.

— Вы строитель?

— Архитектор.

— Тогда сразу скажите, если увидите, что я что-нибудь упустила. Только в стенах не сверлите, прошу. У нас тут дом с характером.

Квартира была скромной, но чистой. Я внесла плату за несколько дней с банковской карты, оформленной на меня лично, получила договор краткосрочного найма и ключ. Хозяйка показала, где отключается вода и кто отвечает за электрику. Эти обычные подробности казались почти заботой.

Когда она ушла, я поставила чемодан у дивана и включила свет. Никто не спросил, где я была. Никто не сказал, что моя усталость мешает чужим планам. Я опустилась на край кровати и впервые с ночи позволила себе плакать. Не сильно, без красивых слов. Слёзы текли сами; я вытирала их рукавом и злилась, что промокла новая ткань.

Через некоторое время пришло сообщение от матери: «Ты в воскресенье заедешь? Пирог испеку». Мама ничего не знала. Я представила, как она будет спрашивать о Вадиме, вспоминать его подарки и собственную молодость. Сказать всё по телефону сейчас значило бы сделать её частью ночной катастрофы, а я не знала даже всех обстоятельств.

Я ответила: «Приеду одна. Есть новости, расскажу спокойно при встрече. Со мной всё в порядке». Через минуту дописала: «И, пожалуйста, не звони пока Вадиму». Мать прислала только: «Хорошо. Я рядом». Меня снова кольнуло в груди — уже от того, что иногда двух простых слов достаточно.

Ближе к четырём позвонил Миша. Его голос дрожал.

— Анна Сергеевна, мне сказали, что я больше не должен вам писать.

— Тогда не рискуй работой ради этого звонка.

— Я не про работу. Я видел, как они поменяли лист на северном флигеле. У меня был старый обмер. Там восемь сантиметров, как вы говорили. А в новой ведомости их нет.

— Ты уверен, что это не исправленная цифра после повторного замера?

— Повторного замера не было. Я там вчера работал, проход закрыт.

Я закрыла глаза.

— Составь для себя точное описание, что видел и когда. Не копируй ничего на личную почту и не удаляй корпоративные записи. Если руководитель обследования спросит, говори только о своём измерении. Я не хочу, чтобы тебе пришлось отвечать за чужие решения.

— А вы?

— Я выясню, в каком порядке можно предупредить заказчика. Ты уже помог тем, что не промолчал.

Он выдохнул с таким облегчением, будто я сняла с него тяжёлый рюкзак. Закончив разговор, я вспомнила, как на его собеседовании он признался, что боится высоты, и попросил не отправлять его одного на леса. Тогда Вадим сказал мне: «Мягкого нашла. Нам нужны люди с зубами». Миша остался потому, что хорошо различал почти незаметные смещения на старых кладках. Сегодня его осторожность могла оказаться важнее чьей-то самоуверенности.

Я разобрала чемодан, открыла окно, впустила холодный воздух. Хотелось спать, но голова снова работала слишком быстро. Я составила список долгов перед собой: выяснить положение бюро; проверить права на собственные эскизы; обеспечить техническую честность

обследования; не втягивать коллег в семейную войну; пережить развод, если решение окажется окончательным.

Последнее слово я обвела. «Если».

Раньше любое серьёзное решение я обсуждала с Вадимом. Мы могли поссориться из-за ремонта ванной, ехать молча до дачи, а потом вдруг вместе смеяться над маленькой нелепостью. Я знала, как он любит чай с чабрецом и ненавидит запах новой кожи. Он знал, что я боюсь неопределённости больше, чем плохой новости. Наверное, поэтому его выбор причинял такую боль: он оставил мне не только измену, но и неизвестность, которую прежде обещал разделять со мной.

Зазвонил телефон. Незнакомый номер с петербургским кодом.

— Анна Сергеевна? — Женщина говорила быстро, профессионально. — Меня зовут Елизавета, я координирую технические материалы для группы, которая рассматривает проект Тихвинцевых. Мы получили два разных пакета от вашего бюро. В одном стоит пометка о закрытых зонах, во втором — что обследование завершено. Нам нужен ответственный специалист, который подтвердит, какой вариант актуален.

Я села за стол.

— Ответственный специалист по обмерам — инженер Беляева. Я автор замечания о расхождении. Уточню: по состоянию на вчерашний вечер восточная часть северного флигеля не была доступна для безопасного обследования. Если в документе указано обратное, я не могу подтвердить достоверность этой фразы.

— Спасибо. Можете направить это письменно?

— Согласую форму с юристом, чтобы не создавать путаницы в договорных полномочиях, и передам техническое содержание через ответственных лиц. При необходимости готова лично объяснить характер риска.

На том конце на мгновение стало тихо.

— Это как раз то, что нам нужно. Мы не просим вас решать корпоративный спор. Нам важно, чтобы люди не вошли туда, где нельзя работать.

После разговора я поняла, что за эти десять минут впервые за день не думала о Лере. Перед глазами был не чужой автомобиль и не банковский договор, а старая кладка, за которую я могла отвечать без оглядки на мужа.

Затем пришло письмо от Вадима с темой «Для сведения». В приложении лежал скан протокола, которого я ночью видела только черновик. На последней странице напротив моих фамилии и инициалов стояла подпись.

Она была похожа на мою. Настолько похожа, что я сначала почувствовала стыд за собственное недоверие и подумала: может быть, я действительно подписывала что-то ещё весной и забыла? Но дата на странице была вчерашняя. Вчера днём я находилась в особняке с инженерами, а вечером — в офисе, где подписи ещё не было.

Я увеличила изображение. У моей обычной подписи первая буква начиналась снизу, с короткого резкого движения. Здесь линия была гладкой, как на скане из старого договора. Это ничего не доказывало. Изображение могло быть вставлено, перепечатано, изготовлено кем угодно. Даже почерк человека иногда меняется. Я не позволила себе назвать документ подделкой до проверки.

Вадим дописал в письме одну фразу: «Как видишь, всё согласовано. Не осложняй всем жизнь».

Я переслала сообщение Анастасии с просьбой проверить происхождение документа и порядок получения оригинала. Затем закрыла ноутбук.

На кухонном подоконнике росла маленькая герань с двумя сухими листьями. Кто-то давно забыл её полить. Я нашла в шкафу лейку, налила воды и осторожно увлажнила землю, пока она не перестала жадно втягивать каждую каплю.

В эту минуту я не чувствовала себя сильной. Я чувствовала себя человеком, которому страшно, который ещё не знает, как платить сотрудникам, где завтра работать и что скажет мать. Но у меня была одна простая возможность: не поставить подпись под тем, чего я не выбирала, и не молчать о том, что действительно видела.

Ключ от съёмной квартиры лежал передо мной. Один, без льва и без общего брелока. Я положила его в карман.

После долгой паузы написала Вадиму: «На документе стоит подпись, которую я вчера не ставила. Прошу сохранить оригинал и все материалы подготовки. Проверять их происхождение будем официально. Я не согласовывала передачу архива».

Ответ не пришёл. Зато на телефоне вспыхнуло новое письмо от юриста: «Не отвечайте на провокации. С этого момента особенно важно отделять то, что вы знаете, от того, что предполагаете».

Я прочитала его несколько раз. Где-то под слоями боли и усталости начинало появляться маленькое, ещё неустойчивое чувство. Не радость и не надежда на чудо. Возможность опираться на факты, когда вся привычная жизнь перестала быть надёжной.

Глава 3. Проект без чужого имени

В понедельник утром я впервые за много лет не знала, куда идти на работу. Привычный маршрут по набережной заканчивался у двери «Арки», где охр

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.